

Моему дедушке. Причин хватает.

Миру необходимы плохие люди.
Мы отпугиваем тех, кто еще хуже.

Раст Коул,

телесериал «Настоящий детектив»

Пролог

Витория, август 2016

Журналисты упорно преследовали ребят из моей тусовки. Им нужен был материал, и они рассчитывали, что те им как-то помогут. Их выслеживали по всей Витории ровно с той минуты, как появилась новость, что мне прострелили голову: отныне покоя не было никому.

С утра они ловили моих друзей возле дома. По вечерам — в «Сабурди» на улице Дато, где они молча ужинали. В те дни ни у кого не было желания разговаривать, а постоянное присутствие репортеров дополнительно давило на психику.

— Мы сожалеем о случившемся с инспектором Айялой. Вы собираетесь на вечерний митинг? — допытывался журналист, размахивая у них перед носом газетой с новостями на первой полосе, где моя физиономия занимала едва ли не больше места, чем сама статья.

Хота, здоровенный смуглый парень, тщетно пытавшийся спрятать лицо от прицела камер, об-

щался со мной за несколько недель до выстрела. Мои подруги, с которыми мы знали друг друга с детства, смотрели в тарелку, друзья отворачивались от камер.

— Просто ужас, — буркнул наконец Хота, хлебнув красного вина. — Жизнь несправедлива, очень несправедлива.

Он намекал на то, что пора бы оставить их в покое, но тут репортеры увидели Германа, моего брата-карлика, чей рост метр двадцать невозможно было не заметить. Бедняга сделал попытку пробраться к туалету. Репортер, с косящими от бесконечных извинений глазами, его узнал.

— Это его брат, быстрее за ним! — скомандовал он операторам

Герман обернулся и захлопнул дверь кабинки прямо у них перед носом; в тот же вечер его поход в туалет транслировали все национальные каналы.

— Идите к черту, — пробормотал измученный Герман спокойно, почти миролюбиво.

Я знаю, виторианцы потрясены новостью о том, что их героя застрелили, и если заранее все продумать, что, к сожалению, невозможно, меня ради такого случая следовало бы нарядить в костюм.

Ни один полицейский не готов к тому, что станет последней жертвой серийного убийцы,

ЖАЛО БЕЛОГО ГОРОДА

год за годом державшего в страхе целый город, но жизнь придумывает множество способов нас обхитрить.

В общем, на снимках я получился так себе. Как я уже говорил, мне всадили пулю в голову. Однако следовало бы рассказать подробности того, что в начале носило название «Двойного убийства в дольмене¹», а в итоге превратилось в самую настоящую бойню, продолжавшуюся много лет и тщательно спланированную преступным умом, чей IQ значительно превышал умственные способности всех тех, кого мы подозревали.

Когда человек, убивающий людей одного за другим, — чертов гений, остается лишь молиться, чтобы твой мяч не выскочил из золоченой корзины и следящий за игрой мальчишка не объявил дрожащим от волнения голосом твой номер.

---

¹ Дольмен — погребальное культовое сооружение эпохи бронзы.

1. Старый собор

24 июля, воскресенье

Я наслаждался лучшим в мире картофельным омлетом — яйцо полусырое, картошка хорошо пропеченная, при этом хрустящая, — когда раздался телефонный звонок, изменивший всю мою жизнь. В худшую, надо заметить, сторону.

Был канун Дня Сантьяго, и мы, жители Витории, готовились ко Дню блузы¹, любимому празднику молодежи, который открывает целую череду других праздников, приходящихся на начало августа. В отделанный деревянными панелями бар, где я наспех заканчивал свой маленький гастрономический праздник, набилось столько шумного на-

---

¹ День Сантьяго — День святого Иакова, покровителя Испании, 25 июля. День блузы — праздник в честь Белой Богородицы, покровительницы Витории. Во время праздничных мероприятий молодые парни наряжаются в баскские национальные костюмы, одна из составляющих которых — широкая голубая блуза. Женский наряд называется neska.

роду, что, почувствовав в кармане рубашки, возле сердца, дрожь ожившего мобильного, я вышел на улицу Прадо.

— Что случилось, Эстибалис?

Обычно напарница старалась не беспокоить меня в выходные, а День блузы и канун праздников были тем более священными днями: весь город вверх ногами, о работе никто не думает.

Грохот духового оркестра и гвалт следовавшей с ним толпы, которая подпрыгивала и подпевала в такт музыки, в первый момент не позволяли слышать голос Эстибалис.

— Унаи, срочно приходи к Старому собору, — приказала она.

Эти слова, равно как и их звучание, озадаченное и одновременно взволнованное, непривычно звучали в устах девушки-полицейского с отлично поставленным голосом.

Я сразу сообразил, что случилось что-то серьезное.

Пытаясь скрыться от вездесущего шума, который в тот день наполнял весь город, я машинально направил шаги к парку Флорида, стараясь уйти подальше от децибелов, мешавших хоть как-то поддерживать разговор.

— Что случилось? — спросил я, стараясь собраться с мыслями: последний глоток риохи явно был лишним.

— Ты не поверишь, но все в точности так же, как двадцать лет назад.

— Ты о чем, Эсти? Я плохо соображаю.

— Археологи из реставрационной команды собора обнаружили в склепе два обнаженных тела. Юноша и девушка, ладони на щеках друг у друга. Что-то напоминает, верно? Приходи немедленно, Унаи. Это серьезно, очень серьезно. — И она нажала отбой.

«Быть такого не может», — подумал я.

Такого не может быть.

Я даже не попрощался с ребятами. Скорее всего они так и сидели в баре «Сагартоки» посреди людской толчеи, и маловероятно, что кто-то из них обратил бы внимание на мобильный, если бы позвонил, чтобы сообщить, что мой День блузы подошел к концу.

После звонка напарницы я, понутив голову, направился к площади Белой Богородицы, прошел мимо своего дома и дошел до начала Коррерии, одной из старейших улиц средневекового города.

Неудачный выбор. Народу там было полно, как и повсюду в центре. «Малькериды» и другие бары, изобиловавшие в нижних этажах старого города, были полны виторианцев, и я более четверти часа добирался до площади Бурульерия, расположенной у собора, где мы с Эстибалис договорились встретиться.

Площадь получила свое название потому, что в XV веке представляла собой рынок бурульеров — сукновалов, превративших город в торговую артерию северной части полуострова. Я шел по мощенной мостовой, и бронзовая статуя Кена Фоллетта¹ с тревогой наблюдала, как я прохожу мимо, словно писатель заранее предвкушал темные сюжеты, которые сплетались вокруг меня.

Эстибалис Руис де Гауна, инспектор отдела уголовного розыска, работавшая со мной в паре, ожидала меня на площади у собора, попутно делая звонки в тысячу разных мест и нервно расхаживая туда-сюда. Со стороны она напоминала снующую ящерку. Ее рыжая грива до подбородка и скудные метр шестьдесят едва ли соответствовали требованиям при приеме в штат, и Витория чуть не потеряла одного из самых энергичных и сообразительных следователей.

Мы были чертовски хороши в закрытии сложных дел, хотя и не так хороши в следовании правилам. Нам не раз выносили предупреждение за отсутствие дисциплины, и мы привыкли покрывать друг друга. Что же касается правил... Как говорится, мы над этим работаем.

---

¹ Кен Фоллетт — валлийский и британский писатель, описывавший в своих романах собор Санта-Мария в Витории, что вызвало большой приток туристов.

Мы над этим работаем.

Я смотрел сквозь пальцы на некоторые пристрастия, которые все еще присутствовали в жизни Эсти. Она смотрела в другую сторону, когда я не следовал указаниям начальства и проводил расследование самостоятельно.

Я специализировался на психологии преступников, поэтому именно ко мне обращались при обнаружении серийных случаев: убийств, изнасилований... Всякий мерзавец и подонок, чьи преступления повторялись, поступал ко мне в работу. Обычно серийный случай насчитывает более трех аналогичных преступлений, даже если по времени их разделяет период затишья.

Эстибалис занималась виктимологией, наукой прославленной и забытой. Почему жертвой становится именно этот человек, а не кто-то другой? Эсти увереннее, чем кто-либо, ориентировалась в базе данных SICAR¹, которая включала в себя всевозможные следы и отпечатки автомобильных шин, или SoleMate, энциклопедии всех марок и моделей ботинок, кроссовок, кед и тапочек производства самых разных стран.

При моем появлении она спрятала мобильный и посмотрела на меня с сочувствием.

---

¹ SICAR, Sistema Nacional de Cadastro Ambiental Rural — национальная испанская система сельского кадастра.

— Что там? — поинтересовался я.

— Сам увидишь, — прошептала Эсти, как будто нас могло услышать само небо, а может, преисподняя, кто знает. — Мне звонил комиссар Медина собственной персоной. Им нужен эксперт по психологии, как ты, а меня они просят заняться жертвами. Сейчас все поймешь. Любопытно, что ты скажешь. Уже прибыли криминалисты, судмедэксперт и судья. Зайдем со стороны Кучильерии.

Кучильерия была одной из старинных улиц, где в Средние века располагались мастерские различных гильдий. Какими только ремеслами не занимались предки виторианцев: кузнечное дело, сапожное дело, шорная мастерская, маляры и штукатуры... Эта часть Средневекового города оставалась нетронутой, несмотря на миновавшие с тех пор столетия.

Важно отметить, что к собору вели узкие ворота, казавшиеся проходом между домами.

Двое полицейских уже стояли у массивной деревянной двери дома под номером 95. Они поздоровались с нами и пропустили внутрь.

— Я допросила двоих археологов, которые обнаружили тела, — сообщила мне коллега. — Они пришли сегодня, чтобы продолжить свои раскопки. Видимо, на них надавили из Фонда собора Санта-Мария, чтобы в этом году они закончили